

Дикость и защита дикой природы

Торо начал говорить о дикости как о сохранении мира на лекции, прочитанной в лицее Конкорд 23 апреля 1851 года, озаглавленной «Дикое». В июне следующего года он объединил ее с еще одной лекцией о прогулке и опубликовал их обе как эссе «Прогулка или дикое» в «Атлантик Мансли». Это эссе остается наиболее радикальным документом в истории нашей природоохранной этики, и как очень удачно выразился выдающийся исследователь Торо Роберт Ричардсон: «Как мы понимаем, эта этика зависит от того, что Торо имел ввиду под «Дикостью».

Торо понимал дикость как качество: дикая природа, дикие люди, дикие друзья, дикие мечты, дикие домашние кошки и дикая литература. Он ассоциировал ее с другими качествами: хорошим, священным, свободным. В самом деле он приравнивал ее к самой жизни. Под свободой он имел ввиду не права и свободы, но автономное и самовольное, а под жизнью — жизнеспособность и жизненную силу. Эти сопутствующие значения не ограничиваются нашей культурой. Гари Набхан указывал, что «термин Додхам для дикости, «doajkam» этимологически связан с терминами, обозначающими здоровье, целостность и жизнеспособность».

Известное высказывание Торо «в дикости состоит сохранение мира» утверждает, что дикость сохраняет, а не то, что мы должны сохранять дикость. Для Торо дикость была данной, его задача состояла в том, чтобы прикоснуться к ней и выразить ее, и он верил, что миф лучше всего ее выражал. Его успех объяснялся не политическим действием или научным исследованием, но личными усилиями. В той же мере, как и во всем остальном, дикость представляла собой проекцию самого себя.

После Торо фокус нашей природоохранной этики стал мутировать от дикости к сохранению областей дикой природы, среды обитания и видов, а недавно к биоразнообразию. Этот сдвиг был широко материалистическим, переходом от качества к количеству, к количеству акров, видам и физическим отношениям. Привилегированный статус в нашей культуре классической науки и ее технологий буквально повлек за собой этот материализм, потому что классическая наука и ее математики не могли описать такие качества как дикость, а то, что не может быть описано, игнорируется. Дикость как качество и ее отношение к другим качествам сейчас редко обсуждаются, заметным исключением здесь является «Практика дикого» Гарри Снайдера.

Этот сдвиг был также редукционистским. Сохраняя вещи — акры, виды и природные процессы, мы верили, что сможем сохранить качество. Увы, собрание акров, видов и процессов, каким бы оно ни было обширным и разнообразным, не более сохраняет дикость,

чем большие и разнообразные собрания священных объектов сохраняют священное. Дикое и священное просто не являются вещами того вида, которые можно собирать. Исторические формы доступа и выражения могут быть сохранены, но качество нельзя поместить в музей. В то же самое время дикость не может исчезнуть. Она может уменьшиться в природе и в человеческом опыте, но она не может перестать существовать. Мир содержит много вещей, которые существуют, но которые нельзя собрать и поместить в какое-то место — множества сложных чисел, сила тяготения, сны. Дикость похода на них, и нам не очень ясно, как ее сохранять.

Существуют отличные основания для того, чтобы сохранять дикую природу, биотические сообщества и биоразнообразие, помимо какой-либо связи с дикостью, оснований, которые подробно охватываются нашей литературой по окружающей среде, но эти материалистические и редукционистские сдвиги в нашей природоохранной этике уменьшили дикость мест, видов и процессов, которую мы сумели сохранить, уменьшая их автономию и жизнеспособность. К сожалению, наша природоохранная этика склонна игнорировать эту утрату.

Это уменьшение будет продолжаться, потому что наши усилия в заповедании — парки, области дикой природы, зоопарки, ботанические сады воспринимаются с позиций современных институтов, в первую очередь как лаборатории и музеи, институтов, которые противостоят автономии и жизнеспособности. В прошлом политические и эстетические критерии служили для отбора образцов, в будущем (можно надеяться) биологические и экологические критерии выйдут на передний план. Но не в зависимости от того, насколько велико количество отобранного, процесс отбора и реализации делает образцы искусственными. Окружающая среда и те, кто ее населяет, отбираются и управляются в соответствии с человеческими целями — сохранением пейзажа, ресурсов, дикой природы, биоразнообразия. Эта искусственность фундаментально изменяет их порядок, извлекая их из более широкого контекста взаимосвязанности, которая создала этот порядок. Как говорит Энтони Гидденс при обсуждении последствий модернизма: «Цель природы» означает, что природный мир стал в большой степени «созданной окружающей средой», состоящей из структурированных человеком систем, движущая сила и динамика которых происходят от социально организованных претензий на знание скорее, чем от влияний чужеродных для человеческой деятельности». Это также верно в отношении национальных парков и спроектированных областей дикой природы, как и в отношении Диснейленда.

Созданная окружающая среда представляет собой нейтрализованное целое и дикое, с которым мы более не состоим в жизнеспособных отношениях. Музейные объекты могут быть полезными, развлекающими и информативными, и природа как лаборатория может порождать целые дисциплины нового знания, но их субъекты утратили свои собственные организующие принципы и точно описываются как реликты — вещи, которые остались после разрушения или упадка оригинального и сохраненные как объекты почитания.

В этом смысле возможно рассматривать Землю как все более музейную, находящуюся в процессе превращения в реликвию: ранее автономный порядок, преобразованный единственным видом для своего собственного использования, вид, который в результате комбинации оплакивания и уважения сохраняет куски и части для поклонения,

исследования и развлечения. Немногочисленные части остающейся дикой природы долгое время ценились как лаборатория — отсюда заголовок эссе Ольдо Леопольда «Дикая природа как лаборатория земли». Природа, подвергающаяся стрессу, становится еще одним интересным научным экспериментом, задачей, которую следует решить, что-то вроде больного пациента, хронически безработного, разбитой машиной. Вместо того, чтобы быть собранием богов (как для греков) или источником Величественного (как для Канта и романтиков), или источником моральной поучительности (как для Эмерсона, Торо и Мюира), природа становится подчиненной людям — зависимой. Пациентом. Затем в филантропической чувствительности, вызванной кризисом Господа, человек бросается помочь бедняге выздороветь с помощью систем GPS, компьютерных баз данных, убежищ, генных банков и радиоошейников.

Мы открыли, что наши музеи типов земли являются слишком маленькими, разобщенными и искусственными, чтобы позволить видам поддерживать свою собственную структуру и порядок. Наше средство для этих островных экосистем и реликтовых популяций состоит в том, чтобы создать большие и лучшие рукотворные виды окружающей среды в соответствии с новыми теориями, большим количеством данных и лучшими практиками менеджмента. Это может привести к более полным экосистемам и может поддерживать некоторые виды, но усилившееся человеческое влияние и механизмы контроля, которые требуются для отбора и заповедания, одновременно уменьшают самоорганизацию и дикость системы. Реликтовая область дикой природы становится все менее и менее природной и она подвергается менеджменту, необходимому для ее выживания и, что иронично, становится все менее и менее способной выполнять свою предполагаемую научную роль — служить эталоном природных процессов, по отношению к которому можно было бы измерять здоровье мира, испытывающего помехи со стороны человека.

Пример этого процесса можно найти в Проекте по диким местностям, предлагаемого учеными-экологами: «Программа восстановления областей дикой природы для Северной Америки». В случае успеха это стало бы крупнейшей в мире рукотворной окружающей средой. Ее порядок и структура — ядер, коридоров, буферов и областей плотного заселения несомненно, будут видны из космоса. Я думаю об этом как о Северной Америке, спроектированной Формэном, Нэссом и компанией.

Все это показывает, что нам необходимо представить себе новую природоохранную этику, основанную на дикости. То, что мы можем начать поразумевать под «дикостью», могло бы эволюционировать из существующих междисциплинарных усилий феминисток, математиков, философов и физиков с целью понимания контроля, предсказания, господства и их противоположностей: автономии, самоорганизации, самоупорядочивания.

В своей «Книге фактов» Торо отмечал, что дикое «wild» представляет собой причастие прошедшего времени от «to will» (желать) — самовольный. Новая этика дикой природы выдвинула бы на передний план ссылку Торо и подтвердила бы недавние исследования, которые интерпретируют «область дикой природы» (wilderness) в ее первоначальном смысле «самовольной земли». Это придало бы остроты наиболее важному слову в самом важном отрывке «Акта об областях дикой природы»: «не испытывающий препятствий». И, наконец, это способствовало бы проекту Торо по пониманию дикого внутри нас и внутри природы как

фундаментально одинакового по своим концептуальным ассоциациям с жизненной силой и свободой.

Чтобы сконструировать новую этику окружающей среды, нам необходимо вначале понять, почему мы навязываем человеческий порядок негуманоидным видам. Мы делаем это ради выгоды, а выгода состоит в прогнозируемости, эффективности и, следовательно, в контроле. Столкнувшись с ускоряющимся разрушением экосистем и с истреблением видов, мы верим, что наша единственная возможность состоит в увеличенных прогнозируемости, эффективности и контроле. Поэтому мы сражаемся за сохранение экосистем и видов, и мы принимаем их уменьшившуюся дикость. Это приводит к выигрышу в сражении, но проигрышу в войне, и в этом процессе мы просто перестаем говорить о дикости.

Существует много способов сделать это. Например, мы начинаем заменять «дикость» (wildness) дикой природой (областью дикой природы — wilderness), как в обычно неправильно цитируемом высказывании Торо: «В дикой природе состоит сохранение мира». Но большинство из наших заповеданных, в соответствии с Актом об областях дикой природы, областей дикой природы не являются дикими. Возьмем, например, область дикой природы Гила, которая представляет собой пастбище, а не самовольную землю. Торо не утверждал, что в ранчо состоит сохранение мира.

Мы также склонны приравнивать дикость к биоразнообразию. Например, глава 2 работы Роджера ДиСильвестро «Восстановление последних диких земель: новая повестка дня для биоразнообразия» озаглавлена «Биоразнообразие: спасение дикости», и в ней содержатся такие фразы как «дикость в природе, это именно то, что мы защищаем, когда мы защищаем биоразнообразие, и защита биоразнообразия, дикости». Но дикость это не биоразнообразие. На самом деле дикость может обратно соотноситься с биоразнообразием. В работе «Пустыня пахнет дождем» Гари Набхан описывает два оазиса. В оазисе, занятым папугами, было в два раза больше видов птиц, чем в диком, заповеданном в рамках Национального памятника Орган Пайп Кактус. Ни один из оазисов не является диким в сколько-нибудь значимом смысле этого термина, и более отдаленные и дикие пустынные оазисы вполне даже могут содержать еще меньшее количество видов. Ну и что, если так? Разве дикость является менее важной, чем биоразнообразие? Должны ли мы сохранять последнее за счет первого? Какие критерии стали бы мы использовать для решения этого вопроса?

Для многих биологов-природоохранников (хотя, конечно, не для Набхана) важным является отличие между «в диком состоянии» и «в неволе», где «в диком состоянии» сейчас обозначает управляемую экосистему. Но если гризли контролируются в дикой природе при помощи радио-ошейников и политики перемещения, тогда то, что для Торо являлось центральным вопросом — свобода, просто выпадает из рассуждения о заповедании.

Мы также игнорируем дикость, когда мы определяем дикую природу с точки зрения отсутствия человека. В «Метафоре Ольдо Леопольда» Дж. Бейрд Калликотт указывает, что за исключением Антарктики, не существовало земли без человеческого присутствия и поэтому дикая природа из «Акта из областей дикой природы» является непоследовательной идеей. Другие люди отрицают существование дикости на том основании, что любое человеческое влияние на вид или экосистему разрушает дикость, а поскольку человеческое

влияние существовало долгое время ... опять же — никакой дикости. Это абсурд, и можно догадываться, что сказали бы Льюис и Кларк, стоя на берегах Миссури, подумав бы о таких словах. «Это не дикая природа. Как же так, здесь существуют миллионы людей. И она также не является дикой. Человеческое влияние портило это место на протяжении 10000 лет».

Что-то здесь не так; я полагаю, это происходит оттого, что большинство людей, которые пишут и думают о дикой природе, знают о ней только из «Акта об областях дикой природы». Неделя в Амазонии, высоких широтах Арктики или северной стороне западных Гималаев показала бы что то, что считается дикостью или областью дикой природы, определяется не отсутствием людей, но отношениями между людьми и местом. Место является диким, когда его порядок создается согласно его собственным принципам организации, когда оно является самовольной землей. Туземные народы обычно (хотя определенно не всегда) «вписываются» в этот порядок, влияя на нее, но не контролируя ее, хотя вероятно не из-за высокого набора ценностей, но потому, что им не хватает технических средств. Контроль увеличивается с цивилизацией, и современная цивилизация, в значительной степени связанная с контролем — идеология контроля проецируется на весь мир — должна контролировать или отрицать дикость. Эта перспектива наиболее ясно представлена романами-антиутопиями, начиная с «Мы» Евгения Замятина.

Хотя автономию часто путают с радикальным отделением и полной независимостью, автономия систем (и я стал бы утверждать — человеческая свобода) усиливается взаимосвязанностью, сложным повторением и обратной связью, то-есть влиянием. В самом деле, эти процессы создают ту возможность изменения, без которой нет свободы. Детерминизм и автономия являются такими же неразделимыми, как множественные аспекты гештальт рисунка.

Важный момент состоит в том, что какой бы вид автономии ни обсуждался, человеческая свобода, самовольная земля, самоупорядочивающиеся системы, самоорганизующиеся системы — все являются несопоставимыми с внешним контролем. Воспринимать дикость всерьез означает — воспринимать всерьез вопрос контроля, а поскольку дисциплины прикладной биологии не воспринимают вопрос контроля всерьез, они замусорены парадоксами — «менеджмент дикой природы», «менеджмент областей дикой природы», «менеджмент изменений», «менеджмент природных систем», «копирование природных потрясений» — то, что мы могли бы назвать парадоксами автономии. Собрания парадоксов обычно являются плохими новостями для научных парадигм, и я думаю, что биологические науки стоят перед серьезной революцией.

Биологические науки играют все более имперскую роль в природоохранной этике с дней Ольдо Леопольда. Если цель состоит в том, чтобы сохранить экосистемы и виды, тогда отправляются к экспертам: экологам и биологам. На протяжении прошедших двадцати лет стало очевидным, что индивидуальные дисциплины прикладной биологии недостаточно всеобъемлющи, чтобы добиться целей заповедания, особенно биоразнообразия, и что их необходимо интегрировать с более новыми дисциплинами биологии популяций и экологии — то-есть природоохранной биологии. Природоохранная биология представляет собой все более доминирующий голос в защиту заповедания в нашей стране, если не во всем мире, и большие организации защиты окружающей среды, которые когда-то вели битву за

заповедание, часто следуют ее повестке дня.

К сожалению, природоохранная биология также связана с контролем. Она интегрирует средства контроля уже имеющиеся в биологических, физических и общественных науках, что ведет к тому, что мы могли бы описать как мета-менеджмент. Поскольку биоразнообразие понимается как модель скудных ресурсов, сохранение биоразнообразия становится проблемой, подобной менеджменту ресурсов. Перед лицом утраты биоразнообразия (а такой кризис несомненно существует) природоохранная биология требует, чтобы мы сделали что-то сейчас, единственным способом, который считается деланием чего-либо — больше денег, больше исследований, больше технологии, больше информации, больше акров. Доверяйте науке, доверяйте технологии, доверяйте экспертам: они лучше знают. Короче говоря, рецепт от заболевания — еще больше контроля.

К сожалению, вместо того, чтобы бить по причинам, современные теоретические дисциплины, такие как природоохранная биология, стремятся контролировать симптомы. Их средства контроля направлены на Другое, а не на наши собственные общественные патологии. Это отражает различие между профилактической медициной и медициной вмешательства: вместо того, чтобы переделывать самих себя и свои общества, современные теоретические дисциплины принялись переделывать негуманоидный мир и уменьшать его автономию. В долгосрочной перспективе это ведет к неудаче, поскольку мир сопротивляется нашим вмешательствам и приспосабливается к ним.

Эти средства контроля всегда являются дисциплинарными или протодисциплинарными по своей природе, и множественные значения слова «дисциплины» здесь не являются случайными. Они связаны с отловом (при помощи стрельбы, дротиков, сетей, ловушек, поимки и задержания); изолированием в особых местах (палаты, тюрьмы, убежища, области дикой природы); цифровой идентификации (татуирование и прикрепление бирок ко всему — от заключенных и солдат до лебедей и гризли); технологическим представлением (фотография, рентген, нанесение на карту GPS); химическим манипулированием (микробами, мозгом, плодородием); хирургией (лоботомии для сумасшедших и для хищников, имплантация радиопередатчиков или радиоактивных пластинок, чтобы сделать их испражнения видимыми со спутников); отслеживанием (радиоошейники на животных, мониторы на лодыжке заключенных, сердечные мониторы для пациентов кардиологии) — и постоянный надзор, чтобы накопить еще больше информации. Серьезно вторгшись в человеческое тело и ум, мы сейчас намереваемся вторгнуться в остальные творения, таким образом подтверждая предсказание в Экклезиасте: «Ибо то, что случится с сынами человеческими, случится и со зверями».

Оправданные во имя нормальности и равновесия, точно также как войны оправданы «миром в наше время», дисциплинарные технологии склонны развиваться в большие схемы спасения: экономические войны против нищеты, криминологические войны против преступности. Несмотря на частичные успехи, эти войны потерпели неудачу. Тюрьмы создают больше преступников, а нищета и голод усиливаются при современных экономиках. К сожалению, эти неудачи не унижают достоинства дисциплин и не останавливают их войны. Подобно Авису, дисциплинарные технологии просто сильнее стараются, то есть стараются контролировать больше и контролировать лучше.

Природоохранная биология в традициях великого спасения. Она хочет вести войну за биоразнообразие, то-есть ее миссии и стратегии (от греческого слова stratos) должны переделать природный мир в соответствии с собственными видениями. Я предвижу, что она потерпит неудачу по той же самой причине, по которой терпят неудачу другие дисциплины: она не бьет по причинам выбранного недуга, но остается терапевтической. Ее самой тщетной надеждой остается остановить симптомы и она отчаянно предполагает, что недуг является острым, а не хроническим.

Подлинное изменение наступает при изменении структуры, а не при лечении симптомов. Структура, которую должна изменить радикальная позиция защиты окружающей среды, это система позитивной обратной связи, включающая перенаселение, урбанизацию, возмутительно высокий уровень жизни, возмутительно несправедливое распределение базовых благ, соединение классической науки, технологии, государства и рыночной экономики, которые поддерживают высокий уровень жизни, бесконечные допущения относительно наших прав, свобод и привилегий и полное отсутствие духовной жизни, которое могло бы смягчить эти формы жадности.

В экологии наиболее мощным заявлением о контроле природы является работа Дэниэла Б. Боткина «Диссонирующие гармонии: новая экология для двадцать первого столетия». Боткин представляет графические доказательства опустошения, вызванного неуправляемыми слонами в Тсаво, одного из крупнейших кенийских национальных парков. Он язвительно утверждает, что наши современные представления о природе являются устаревшими, он призывает к большему управлению, большей информации, большему наблюдению, большим исследованиям, большему финансированию образования в области окружающей среды. Он призывает к заповеданию областей дикой природы в первую очередь как отправной точки для научных измерений. Это сильная книга. Он приходит к заключению, что «природа в двадцать первом столетии будет природой, которую мы создаем; вопросом является степень, в которой это формирование будет преднамеренным или непреднамеренным, желательными или нежелательным».

Боткин не один. В эссе, озаглавленном «Общественная осада природы», Майкл Суле, один из основателей природоохранной биологии, говорит: «Некоторые из экологических мифов, обсуждавшихся здесь, содержат открыто или в подтексте идею о том, что природа является саморегулирующейся и способной позаботиться о себе. Это представление ведет к теории менеджмента, известной как мягкое невмешательство — с природой все будет хорошо, спасибо, если человеческие существа просто оставят ее в покое. В самом деле, столетие назад политика «руки прочь» была наилучшей политикой. Сейчас это не так... Гомеостаз, равновесие и Гайа представляют собой опасные модели, когда они применяются в неверных пространственных и временных масштабах. Даже пятьдесят лет тому назад невмешательство вполне могло бы быть лучшим лекарством, но это был мир с гораздо большими негуманизированными, связанными пространствами, мир с числом людей, равным одной трети от современного, и мир, на который не повлияли бензопилы, бульдозеры, пестициды и экзотические виды сорняков. Альтернативой невмешательству является активная забота, говоря сегодняшним языком, утвердительный подход к диким землям».

Не согласитесь с природоохранной биологией и вы окажетесь в углу тех, кто не заботится о природе, потому что спор был оформлен антропоцентрическими терминами: какое наилучшее лекарство мы можем дать старому, бедному, больному миру? Менеджмент Суле просто заново воспроизводит риторику начала шестидесятых годов.

Что это означает для кажущейся старомодной идеи дикости Торо? Реальные последствия этой парадигмы менеджмента четко сформулированы Давидом М. Грабером, исследователем Национальной биологической программы при обсуждении менеджмента в национальных парках: «Парки все больше становятся экологическими островами, по мере того как ландшафты, которые окружают их, превращаются в сельскохозяйственные или застраиваются. Таким образом, в то время как можно ожидать, что климатические изменения приведут к локальному истреблению видов в парках, вторжение многих местных видов, «замены» тех, которые приспособились к новому климату, будет блокировано изоляцией. Преднамеренное интродуцирование или поддержание туземных видов могло бы в некоторых случаях использоваться для того, чтобы облегчить интродуцирование видов, которые появились бы сами по себе до фрагментации среды обитания, а также для того, чтобы обеспечить выживание других видов, которые более не были бы достаточно адаптированы, чтобы сохраниться при новых климатических и экологических условиях. Такой интенсивный менеджмент фактически будет, вероятно, необходим для того, чтобы сохранить виды растений и животных, которые, вероятно, уже являются локальными по распространению. Управление парками таким образом подчеркнуто отбрасывает современное экологически обоснованное понятие дикости. В самом деле мы оказываемся в ловушке заботы об остальной жизни в преобразованном мире».

Это действительно дилемма. Мы желаем защищать и сохранять дикую природу, но кажется, что для того, чтобы сделать это, мы должны принять довольно твердолобый научный позитивизм, который в биологических науках принимает форму такого же твердолобого стиля менеджмента. Результат этого стиля менеджмента в том, что мы можем спасти природное разнообразие, только разрушая собственный дикий порядок истории. Альтернатива «позволения все рассортировать» серьезно не рассматривается. В самом деле она стала анафемой, потому что даже наши жалкие попытки контролировать лучше, чем позволить естественному порядку управлять природным миром.

Это отношение скоро станет общественной политикой. В недавнем томе эссе по здоровью экосистем сказано, что «существует значительная база для расширения консенсуса, если концепции здоровья придается первичное определение как политической концепции». Это устраняет «здоровье природы» как свойство мира, сводит его к человеческой политике, и в свою очередь буквально гарантирует то, что биологи и экологи займутся ремонтом мира с помощью лечения и корректирующих действий. В этом ирония эссе Суле: он сожалеет об общественной осаде природы, но не может увидеть, что биологические науки возглавляют штурм, как будто каким-то образом биология и экология перестали быть частью матрицы общественной конструкции.

Экологический менеджмент — это нормализация и дисциплинарный контроль фуколта, спроецированные с общественных институтов на экосистемы. Отличие природного мира потребляется современной общественной политикой и новые доктора природы

отправляются в свои миссии — евангелисты, снова трудящиеся среди диких народов (сейчас растения и животные вместо народов), принося дар современного порядка и нашу современную версию спасения — сохранение биоразнообразия.

Я, например, не хочу знать о гибели гризли вообще и я также не могу каким-либо практическим образом заботиться о гризли вообще. Я хочу знать и заботиться о гризли, который живет в каньоне надо мной. И я больше верю в самого себя, своих друзей и этого гризли, чем в менеджеров, сидящих в университетах в тысячах миль отсюда, которые никогда не видели этого места или этого гризли и хотят, чтобы все это было отнесено к математической модели.

В этой ситуации хотелось бы верить, что радикальные защитники окружающей среды могут предложить что-то отличающееся от того, что предлагают организации защиты окружающей среды основного направления и природоохранные организации.

На протяжении первых пяти лет природоохранная биология распространила свое влияние на радикальную защиту окружающей среды, переворачивая темы, которые когда-то легитимизировали ее радикальное содержание. Трансформация части экогруппы «Земля прежде всего» в «Дикую землю» и было движением от персонального доверия и конфронтации к вере в абстракцию и примирению с технологией. В этом переходе оно получило новых последователей (и значительную финансовую поддержку) и потеряло других. Оно несомненно потеряло меня. В то время как наука, технология и современность когда-то представляли собой часть проблемы, сейчас они являются значительной частью решения, и я боюсь, что Проект диких земель может сократить «Дикую землю» — несомненно одну из наших лучших радикальных организаций, защищающих окружающую среду, до политической руки научной дисциплины.

Но опять же ключевыми вопросами являются контроль и автономия, а не наука. Недавние выпуски «Дикой земли» и «Природоохранной биологии» провели дебаты о менеджменте областей дикой природы и диких систем, но они не добрались до сердца проблемы. Как писал в «Дикой земле» Майк Сейдман: «Кажется, что глубина моей критики менеджмента осталась незамеченной». Сейдман был джентельменом, в то время как с другой стороны «дебатов» широко использовались нелогичные заключения.

Автономия природных систем — это скелет в шкафу для нашей природоохранной этики, и хотя это признано, никто честно не занимается этим вопросом. Проблема проявляется во многих формах. Она объясняет растущее недовольство нашим контролем над хищниками, лосиные охоты в национальном парке Гранд Тетон, убийство слонов ради менеджмента и отлов и дрессировку последних кондоров. Она объясняет растущее неудовольствие, окружающее реинтродукцию волков в Йеллоустоунском национальном парке. На протяжении десятилетия защитники окружающей среды сражались за экспериментальную популяцию, теперь столкнувшись с биологическим и политическим контролем над этой экспериментальной популяцией, многие люди предпочли бы естественное восстановление, сколько бы времени это ни заняло.

Биологические средства контроля являются повсеместными. Биологи контролируют гризли, они ловят и одевают радиоошейники на журавлей, у них есть симпатичные маленькие рюкзачки для лягушек, они прикручивают болтами ярко окрашенные пластиковые кнопки к клювам уток-арлекинов, они даже ставят радиопередатчики на мелкую рыбешку. И всегда по той же самой причине: больше информации ради лучшей, более здоровой экосистемы. Информация и контроль являются неразделимыми, этот момент очень подробно рассматривался Джеймсом Беннигером в «Революции контроля: технологические и экономические истоки информационного общества». Это основной момент, вероятно единственный момент наблюдения.

Одержимость радикальных защитников окружающей среды дорогами и дамбами выдает грубое индустриальное представление о разрушении природы и делает нас слепыми в отношении менее видимых современных технологий контроля, которые подразумевают даже более мощные способы разрушения. Но вместо общей критики контроля у нас есть такие глубинные экологи как Джордж Сешнэ и Арне Нэйсс, поддерживающие в принципе или на практике генную инженерию.

Тем не менее, ключевой вопрос все больше скрывается менее важными вопросами, нам необходимы большие области дикой природы, большие среды обитания, а не больше технологической информации о больших областях дикой природы. Почему не работать над тем, чтобы выделить обширные области, где мы будем ограничивать все формы человеческого влияния: никаких природоохранных стратегий, никаких спроектированных областей дикой природы, никаких дорог, никакого наблюдения со спутников, никаких облетов на вертолете, никаких радиоошейников, никаких измерительных приспособлений, никаких фотографий, никаких данных GPS, никаких баз данных, заполненных расположением каждого пятнышка на вершине горы Моран, никаких путеводителей, никаких топографических карт. Пусть любая среда обитания, которую мы можем сохранить, как можно больше возвращается к своему собственному порядку. Пусть дикая природа снова станет белым пятном на наших картах. Почему радикальные организации, защищающие окружающую среду, не борются за это? Я подозреваю, что значительная часть ответа состоит в следующем: в этом нет денег, и подобно всем неприбыльным предприятиям, им нужно много денег просто для того чтобы выжить, не говоря уже о том, чтобы добиться осуществления цели.

Существует два смысла слова «preservation» (сохранение, заповедание), и большинство усилий по заповеданию следуют первому: сохранению вещей. Другой смысл — это сохранение процесса: оставление вещей в покое. Дуг Пикок представляет второй смысл с большой ясностью, называя биологию «Биофак» (от англ. fuck) и говоря «Оставьте этих хреновых медведей в покое». Это повторяет Эбби: «Пусть бытие будет», цитата из Хайдеггера, который украл ее у Лао-Цзы:

“ «Вы хотите улучшить мир?

Я не думаю, что это можно сделать.

Мир священен. Его нельзя улучшить.

Если вы вмешаетесь в него, вы разрушите его. Если вы будете обращаться с ним, как с объектом, вы потеряете его.

... Мастер видит вещи, как они есть, не пытаясь контролировать их. Он позволяет им идти своим собственным путем, и живет в центре круга».

Хотя большая часть общественности верит в этику заповедания, оставление вещей в покое определенно является новой традицией меньшинства среди сторонников заповедания. Но внимательно рассмотрим предостережение о том, что «Если вы вмешаетесь в него, вы разрушите его. Если вы будете обращаться с ним как с объектом, вы потеряете его». Это восходит к самому сердцу того, что я называю «абстрактным диким» — дикости, объективированной и профильтрованной через концепции, теории, институты и технологию.

Что если воздействие научных экспертов, создающих окружающую среду, воздействующих на экосистемы и управляющих видами является (иногда, даже всегда?) таким же плохим или худшим, чем воздействие неуправляемой природы? Короче говоря, оставьте в стороне вопрос о том, следует ли нам управлять природой? И спросите: «Насколько хорошо управление природой работает в действительности?» Экологи склонны не говорить об этом из страха оказать помощь врагу, но предмет требует тщательного исследования.

В эссе, озаглавленном «Вниз с пьедестала: новая роль для экспериментов», Давид Эренфельд, бывший многие годы редактором «Природоохранной биологии», представляет несколько примеров неудачи прогнозов в экологии и печальных последствий для природных систем. Рассмотрим, например, интродуцирование опоссумной креветки в северо-западные озера с целью увеличить продуктивность лосося кокани. «Эта история является сложной, связанной с нагрузкой питательных веществ, уровнями воды, одноклеточными водорослями, разнообразными беспозвоночными и озерной форелью, которые взаимодействуют между собой. Но конечным результатом было то, что популяция лосося кокани стало сокращаться, а не увеличиваться, и это в свою очередь оказало воздействие на популяцию лысых орлов, разнообразные виды чаек и уток, койотов, норки, речных выдр, медведей гризли и людей — посетителей национального парка Гласир». В самом деле, продолжает Эренфельд говоря, что «биологическая комплексность с ее множеством внутренних и внешних переменных, с ее незавершенностью отодвигает экологию и менеджмент дикой природы немного ближе к экономике... к концу спектра надежности экспертов».

Экономика? Действительно? И это от одного из столпов природоохранной биологии? Мы должны верить менеджмент природы экспертам, которые по надежности сродни экономистам? Это немного умаляет блеск повестки дня воссоздания природы, не правда ли? Я бы не позволил им хозяйничать на своем переднем дворе.

Экологов сравнивают с экономистами из-за их проблемы с предсказанием. Предсказание (думают некоторые) представляет собой сущность науки. Нет предсказания, нет науки; плохое предсказание — плохая наука. Если (согласно этой точке зрения) биологические науки не могут породить точных, проверяемых, количественных предсказаний, то они вполне встали на путь присоединения к слабым наукам, скажем, к астрологии. Хорошо, если

ваше представление о хорошей науке требует количественного предсказания, в частности долгосрочных количественных предсказаний, тогда все науки выглядят несколько слабыми, особенно экология.

Историк экологии Дональд Ворстер в своем эссе «Экология порядка и хаоса» отмечает, что «несмотря на очевидную сложность своего предмета, экологи были в числе тех, кто медленнее всего присоединился к междисциплинарному исследованию хаоса». Это не совсем справедливо. Роберт Мэй, эколог-математик из Оксфорда, является одним из пионеров теории хаоса, и его книга «Стабильность и комплексность в модельных экосистемах» остается классикой. Но точка зрения Ворстера по-прежнему является содержательной и можно подозревать, что отсутствие открытости экологов в своем предмете, вероятно, имеет что-то общее с вызывающими беспокойство последствиями практического применения их дисциплины — и следовательно они платят по счетам. Они продолжают придерживаться надежды на лучшие компьютерные модели и большее количество информации, но как сказал Брехт в другом контексте: «Если вы по-прежнему улыбаетесь, значит вы не поняли новостей».

Большая часть быстро растущей литературы о хаосе и сложности либо является журналистикой, либо крайне технична. Большую важность для радикального мышления относительно окружающей среды имеют философские следствия хаоса и сложности, и их воздействие на те биологические дисциплины, от которых мы зависим в управлении политикой в области окружающей среды. Отличным исследованием является работа Стивена Х. Келлерта «По следам хаоса: непредсказуемый порядок в динамических системах», которая показывает, как показывает и пример Эренфелда, что проблемы, стоящие перед практическими применениями экологии и биологии, являются более ужасными, чем эти дисциплины готовы допустить. Относительно воздействия теории хаоса на экологическую теорию обязательным для чтения является работа Стюарта Л. Пимма «Нелинейная динамика, странные аттракторы и хаос» в «Равновесие природы? Экологические вопросы сохранения видов и сообществ», отрезвляющая книга для каждого, кто верит, что эти вопросы либо поняты, либо мы имеем достаточно эмпирических данных чтобы делать разумные выводы относительно долгосрочного менеджмента экосистемы.

Многие биологи и экологи верят в то, что автономия природы представляет собой наивный идеал, и что мы должны сейчас попытаться контролировать Землю. Ирония в том, что эта точка зрения широко распространена, несмотря на недавнюю работу по нелинейной динамике, которая демонстрирует талант природы к самоорганизации; в самом деле, ее талант организовывать саму себя до критических состояний, которые непредсказуемо распадаются с лавинами тех самых событий, которые так беспокоят нас — землетрясений, стихийных пожаров, вымирания видов, эпидемий. В самом деле, многие природные системы кажутся склонными к неравновесию (или я бы сказал — дикости). Некоторые из крупнейших, самых катастрофических событий — таких как пожары Йеллоустоуна в 1988 году, именно и являются непредсказуемыми событиями, которые представляют собой ключ к формированию растительной архитектуры, базовой для порядка экосистемы. И все же это те события, которыми мы больше всего желаем управлять.

То, что возникает из недавней работы по хаосу и комплексности, это окончательное расчленение метафоры мира как машины, и возникновение новой метафоры — взгляда на мир, который характеризуется жизнеспособностью, взгляда, который близок к чувству дикого у Торо, взгляда, который конечно далеко выходит за его пределы, но который он, несомненно, нашел бы восхитительным. Вместо огромной машины значительная часть природы оказывается собранием динамических систем, во многом похожих на вихревые линии в водопаде Лава Фоллз, где описание турбулентности представляет собой нелинейное дифференциальное уравнение, содержащее комплексные функции со «свободными» переменными, которые делают невозможным решение (в закрытой форме). Такие природные системы являются нестабильными, они никогда не приходят в равновесие. (Байдарочники знают это на своем теле). Они являются аperiодическими, подобно погоде, они никогда не повторяются, но всегда порождают новые изменения, одним из наиболее важных из которых является эволюция. Жизнь развивается на краю хаоса, в области максимальной жизнеспособности и изменений.

Динамические системы, характеризующиеся хаосом и комплексностью, все же имеют порядок, и этот порядок может быть описан математически. Они являются детерминистическими, и мы можем (обычно) рассчитать вероятности и сделать качественные предсказания о том, как система будет вести себя в общем. Но при хаосе и комплексности научные знания опять же оказываются ограниченными, способами, похожими на ограничения неполноты, неуверенности и относительности.

Это не означает конец науке, все, что действительно выпадает, это долговременное количественное предсказание, и это воздействует на большинство наук в первую очередь в одном отношении: контроль. Но здесь корень проблемы. Как сказал Джон Ралстон Сол: «Сущность рационального руководства — это контроль, оправдываемый компетентностью». Без контроля нет компетентности. Биологические науки утратили свое руководство в природоохранной этике. Традиция «заповедания как менеджмента», которая началась с Леопольдом, заканчивается, потому что мало оснований доверять экспертам в принятии долговременных решений о природе.

Что происходит с рациональностью управления видами и экосистемами без точного предсказания и контроля? Если микрочастицы экосистемы от сосудистых потоков до генетического сдвига и турбулентности, плюс все природные потрясения в экосистемах — погода, пожар (фронт стихийного пожара является рекурсивным), ветер, землетрясение, лавины — если все это проявляет хаотичное или комплексное поведение, и некоторые организуются на глобальном уровне в критические состояния, приводящие к катастрофическим событиям, и более того, если такое поведение не дает возможности долгосрочных количественных предсказаний, тогда не является ли менеджмент экосистем несколько притворным? Менеджмент гризли и волков в лучшем случае карикатурой? Если экосистему нельзя познать или контролировать с помощью научных данных, тогда почему мы просто не можем все говорить о здоровье и целостности экосистем, и честно признать, что это просто общественная политика, а не наука?

Значительная часть лучших интеллектуальных трудов нашего столетия привела к признанию разнообразных ограничений в науке и математике — систем аксиом,

наблюдений, объективности, измерения. Это должно было оказать смиряющий эффект на всех нас, и границу наших знаний должны определять ограничения нашей практики. Биологические науки должны определять ограничения нашей практики. Биологические науки должны провести границу своего действия в областях дикой природы — ядро области дикой природы, области дикой природы, определенной в соответствии с Актом об областях дикой природы, любые области дикой природы — по тем же самым причинам ученые атомщики должны признать границы игр с атомом, а генетики должны признать границы игр со структурой ДНК. Мы не настолько мудры и не можем такими быть.

Вопросом является не легитимность науки в целом и не легитимность конкретной научной дисциплины, но уместные ограничения, которые должны быть поставлены для любой научной дисциплины в свете ограниченных знаний. Игнорировать эти ограничения означает отказываться от смирения и подрывать основания движения заповедания. Понятие этих ограничений и представление себе новой природоохранной этики, основанной на дикости, и смиренные, осторожные, не связанные с вмешательством практики, объединили бы интуитивное представление Торо о том, что «в дикости состоит сохранение мира» и традиции древней мудрости с интуитивными представлениями большинства радикальных любителей дикой природы, экофеминисток и передовых математиков и физиков. Это также утешительно, как и очаровательно.

Любое знание имеет свою тень. Прогресс биологических знаний о том, что мы называем природным миром одновременно продвигает вперед процессы нормализации и контроля, вызывающих эрозию дикости, которая возникает из собственного порядка природы. Того самого порядка, который предположительно является смыслом заповедания. В ядре современного объединения заповедания и биологической науки, наследия Леопольда, лежит противоречие. Мы стоим перед выбором, который является фундаментально моральным. Игнорировать это — это простая трусость. Должны ли мы воссоздать природу в соответствии с биологической теорией? Должны ли мы принять дикое?

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:21:26

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:22:31